

подобно 21 июня 1791 г., 10 августа 1792 и 31 мая 1793 она отмечает собой один из главных шагов в развитии революционного движения и определяет характер всего последующего периода.

Историческая легенда с любовью останавливается на этой ночи и разукрашивает ее, и большинство историков, следуя рассказу нескольких современников, описывают ее, как минуту святого вдохновения и чистого самопожертвования.

«Со взятием Бастилии, - говорят нам историки, - революция одерживает первую свою победу. Весть о ней распространяется в провинции и вызывает повсюду подобные же восстания. Она доходит и до деревень, и там по наущению всяких бесшабашных людей крестьяне начинают нападать на своих помещиков и жгут их замки. Тогда духовенство и дворянство в порыве патриотического чувства, видя, что они еще ничего не сделали для крестьян, отказываются в эту памятную ночь от своих феодальных прав. Дворяне, духовные, самые бедные священники и самые богатые феодалы, города, провинции - все приносят на алтарь отечества отказ от своих вековых привилегий. Собрание охвачено энтузиазмом; все стремятся принести что-нибудь в жертву...» «Это заседание было священным празднеством, трибуна стала алтарем, зала - храмом», - говорит один историк, обыкновенно довольно спокойный. «Это была Варфоломеевская ночь собственности», - говорят другие. «И когда на другой день первые проблески зари осветили Францию, старого, феодального строя уже не существовало. Франция возродилась, сжегши в одном аутодафе все злоупотребления привилегированных классов».

Такова легенда. Правда, что когда два аристократа - виконт де Ноай и герцог д'Эгийон предложили уничтожение феодальных прав и различных дворянских привилегий, а два епископа (городов Нанси и Шартра) стали говорить в пользу отмены десятины¹, - Собранием овладел глубокий восторг. Правда и то, что этот восторг все возрастал и что дворяне и духовные в течение этого ночного заседания один за другим всходили на трибуну и наперерыв отказывались от права помещичьего суда, требуя свободного, дарового и равного правосудия для всех; правда и то, что светские и духовные помещики отказались также от права охоты. Собрание действительно было охвачено энтузиазмом. И посреди этого энтузиазма даже не заметили, что оба аристократа и оба епископа ввели в свои речи условие *выкупа* феодальных прав и десятины - условие, ужасное вследствие своей неясности, так как оно могло означать или все, или ничего. Благодаря ему действительная отмена феодальных прав, как мы увидим дальше, была отложена на четыре года, вплоть до 1793 г. Но кто из нас, читая прекрасные рассказы современников об этой ночи, не поддавался сам тому же энтузиазму? И кто не пропустил без внимания коварных слов «выкуп по 30-летней сложности»? Кто понял их значение? Так случилось и во Франции в 1789 г.

Прежде всего вечернее заседание 4 августа началось вовсе не с энтузиазма, а со страха, с паники. Как мы видели, в течение предыдущих двух недель было сожжено или разграблено много замков. Начавшись на востоке, крестьянское восстание распространилось затем к югу, к северу и к центру Франции; оно грозило сделаться повсеместным. В некоторых местах крестьяне обошлись со своими господами жестоко, а в известиях из провинции события рассказывались, кроме того, в преувеличенном виде. Дворяне с ужасом видели, что на местах нет силы, способной остановить движение.

Заседание открылось поэтому чтением проекта заявления, протестующего против крестьянских бунтов. Собранию предлагалось выразить бунтовщикам сильное и строгое порицание и громко призвать их к уважению собственности, феодальной или иной, *каково бы ни было ее происхождение*, до тех пор, пока Собрание не разрешит вопроса о феодальных правах законодательным порядком.

«Собственность всякого рода подвергается, по-видимому, самому преступному разбою», - говорил комитет докладов. «Повсюду поджигают замки, разрушают монастыри, грабят фермы. Налоги, повинности, платимые помещикам, - все уничтожено. Законы бессильны, власть судей не существует...» Затем в докладе предлагалось Собранию ясно высказать свое порицание этим беспорядкам и заявить, что «старые (феодальные) законы остаются в силе до тех пор, пока власть нации не отменит или не изменит их; что все повинности и накопившиеся недоимки должны быть платимы сполна по-прежнему, до тех пор пока Собрание не решит иначе».

«Это делают вовсе не разбойники! - воскликнул тогда герцог д'Эгийон. - Во многих провинциях весь народ составляет одну лигу с целью уничтожения замков и опустошения земель и особенно с целью захватить уставные грамоты, в которые занесены права феодальной собственности». Как видно,

---

¹ Со всех урожаев духовенству платилась десятая часть или больше.